

Лидия Коваленко

Лидия Коваленко – художник, архитектор, поэтесса. Родилась в 1946 г. в с. Антоновка (ныне Койлык) Талды-Курганской области в семье педагогов. Окончила архитектурный факультет Казахского политехнического института. Десять лет проработала в проектных институтах, параллельно участвуя в городских и республиканских художественных выставках. Печаталась в периодических изданиях и коллективных поэтических сборниках. Издала два сборника стихов и графики: «Я в мирах» (1995) и «Леди Осень» (2003). Член Союза художников и Союза архитекторов РК, Почетный доктор Московской Государственной Академии творчествоведения. Удостоена звания «ҚР Мәдениет қайраткері». Живет в Алматы.

МАЛЕНЬКИЕ КАВКАЗСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Впервые на Черноморском побережье Кавказа я побывала весной 1967 года. Мне тогда было чуть больше двадцати. И училась я на архитектурном факультете Казахского политехнического института.

Алма-Ата – Минводы – Сочи (Адлер) – это на самолёте. Студентам за полцены. Дальше нужно было добираться автобусом. Но тут в поле моего зрения попадает пассажирский вертолёт МИ-4. Куда? Лазаревское, Туапсе. Почему бы не рвануть до Лазаревского (за полцены!) и посмотреть на побережье сверху? Да и на вертолёте я ещё никогда не каталась.

«Головинка», мой санаторий, проплывает под винтом МИ-4, а я приземляюсь в Лазаревском. Далековато конечно. Последний автобус в обратном направлении ушёл час назад. Но мир не без добрых людей – и я возвращаюсь к своему месту назначения совершенно бесплатно на автобусе со строителями.

Вот отсюда, по сути, и начались мои весёлые кавказские приключения. Невесёлым, пожалуй, был только один случай: я пошла в посёлок Головинку за фотобумагой, так как мне разрешили пользоваться служебной фотолабораторией. Химикатов – уйма. Покупай только бумагу. Преодолеваю с лёгкостью три километра до магазина и сверху вижу более короткую дорогу к санаторию через железнодорожный мост.

Когда я дошла до моста, мне преградил путь пограничник с автоматом. Никакие разъяснения на него не подействовали. Показывай паспорт – либо уходи. Чтобы не возвращаться, задумала бурную речку перейти вброд. Не получилось. Поскользнулась, промочила одежду, уронила босоножку в стремительную воду. Обидно. Иду босиком к окружной дороге через лужайку, едва сдерживая слёзы.

Смотрю, бежит ко мне роскошный козёл. Довольно заинтересованно бежит. Уж не забодать ли меня решил? Но он на верёвке, не опасно. Верёвка оказалась длинноватой. Когда я это поняла, было уже поздно. Сшиб меня с ног. Мерзавец. Сижу на траве, плачу, а он с видом честно выполненного долга поспешно удаляется к исходной точке и делает повторный разбег в моём направлении. Встать не успею. Оттолкнувшись руками, скатываюсь под горку. Пронесло.

Всё остальное было прекрасно. Где я только не побывала в свой первый приезд!.. Съездила в Хосту, где в те годы находился Дом творчества Союза художников СССР. Допустили на склад, дали выбрать дефицитнейшие колонковые кисти, торшон, сангину, пастель – всё это по льготным худфондовским ценам, то есть со скидкой 70 процентов. На директорском бланке значилось: «Отпустить студентке 3 третьего курса архитектурного факультета... и т.д.». Песня того прекрасного времени гласила: «Молодым везде у нас дорога...». И это сущая правда. Хорошего было очень много.

С фотобачком я не расставалась всю мою молодость. Отснятые плёнки я тут же проявляла. Всегда. Таково было моё правило.

Адлер, Сочи, Гагра, Гегское и Бзыбское ущелья, озеро Рица, дача товарища Сталина, замок принца Ольденбургского... Потом был и Северный Кавказ (1979, 1981 гг.). Санаторий им. Кирова в Нальчике и санаторий Центросоюза в Кисловодске, их окрестности – знаменитые Чегемские водопады, Приэльбрусье, гора Нартан, Пятигорск, Карачаевск, Черкесск, вздыбленные несостоявшиеся вулканы Юца и Джуца, Голубое озеро, Кольцо-гора, карстовое озерцо Провал, воспетое Ильфом и Петровым, Замок Коварства и Любви в Аликоновском ущелье, Орджоникидзе (Владикавказ), Военно-Грузинская дорога, Клухорский перевал, мощный Терек и Дарьяльское ущелье, Теберда и Домбай...

Замок знаменитой царицы Тамар. Здесь мы на 14 километров внедрились в территорию Грузинской ССР, о чём было торжественно объявлено экскурсоводом. И вообще в ту поездку руководитель экскурсии всю старался скрасить неприятные сюрпризы природы. Проезжая величественную гору Казбек мы видели только туман, а на Замке Тамар лежал свежевывапавший снег. Я-то в сапогах (знала куда еду – горы есть горы: мелкий дождь весной может повлечь за собою крупные непредвиденности), а россиянки в туфельках и босоножках... Что делать? Быстро назад.

В селении Ларс все вышли из автобуса и долго рассматривали маленький минарет, сооружённый в честь победы над Турцией. На этот минарет якобы влезал Пушкин. Охотно верю. Я бы тоже влезла, будь на то соответствующее разрешение. В своё время, на практике после первого курса, я влезла на верхушку роstralной колонны, что на стрелке Васильевского острова в Ленинграде. А это гораздо выше минарета. Мосфильмовцы пригласили снимать сверху: у них было разрешение.

Ах, Кавказ, Кавказ! Сколько здесь красивого, интересного, грандиозного – и всё это описано в литературе знаменитыми писателями и поэтами разных времён. Ну что такое для нас Турция, Египет, Таиланд, Эмираты? Что в них есть для наших души и сердца? А Кавказ – это же Кавказ! Это наша жизнь и наша история, это наше творчество и наша ностальгия, это наша гениальная память, наш юмор и наша любовь к прекрасному. Это все – наше! То, что от нас не уйдет никогда!

САКСАУЛОВЫЙ ЛЕС

Поезд мчится сквозь страну тюльпанов. Алые с малиновым оттенком тюльпаны на толстых стеблях. Середина апреля, как раз пора тюльпанов.

Но что это? Странные тюльпаны. Совсем уже другие. Кустистые, с изогнутыми стеблями. Да это же маки! С опережением сроков цветения на 2-3 недели! Теперь мы в Узбекистане, стране тепла и всяческих плодов.

1986 год. Маме шестьдесят восемь лет, мне каких-нибудь сорок, Васятке – одиннадцать. Весьма подходящая компания для путешествий. Маршрут: Алма-Ата – Ташкент, Ташкент – Красноводск, Красноводск – Баку (на пароме), Баку – Тбилиси, Тбилиси – Батуми, но нам выходить чуть раньше – в Кобулету.

Утро. Ташкент. Суток как не было. В купе входит проводница с сумкой, похожей на полевую, и вручает нам наши транзитные билеты для дальнейшего следования.

Ташкент встречает одуряющей жарой и необыкновенной дороговизной. Ничего не поделаешь. В Алма-Ате еще и не пахнет помидорами (сколько бы они ни стоили!), шоколадных эскимо на палочках нет и в помине, не говоря уж о каких-то там липких восточных сладостях. В Алма-Ате нет танчиков, бээмвэшек и прочих причиндалов, составляющих мальчишеское счастье. Мама отлёживается в комнате отдыха, а мы с Васяткой обследуем территорию, прилегающую к новому Южному вокзалу.

Хлебный город красив, особенно эти необыкновенные деревья, похожие на гигантские урючины. Они усыпаны весенними цветами, но цветы эти с необыкновенным сиреневым оттенком лепестков и фиолетовыми чашелистиками. Экзотические цветочки облепили даже стволы деревьев, цветут буквально на коре. Пришлось подойти поближе, чтобы рассмотреть и сфотографировать такое чудо.

Подгоняю к маме такси, предварительно договорившись с водителем об экскурсии. Того медом не корми – дай оказать подобную услугу, за плату конечно. А плата – вот она: тугой сверток сотенных доперестроечных купюр в кармане моих джинсовых брюк. Я распоряжаюсь нашей семейной казной. Пара десятков туда, пара сюда – хватит на всё. У нас ведь около двух тысяч.

Мама рада-радешенька этой экскурсии: в Ташкенте она была в 1948 году единственный раз. Естественно, мама города не узнаёт, её всё восхищает, поражают масштабы, радуется красота. Экскурсовод-таксист заливается соловьём, делает плавные виражи, останавливается в подходящих местах – мы выходим, чтобы потрогать руками ту или иную достопримечательность и сфотографироваться. Наш гид отказался показывать старый город, ссылаясь на то, что улицы уж больно узки. Но старый город – это главное, что я хотела бы увидеть. Возвращаемся в гостиницу. Мама полагает, что за сие удовольствие я, небось, отбухала 5-6 рублей. Я невинно соглашаюсь с таким предположением, хотя отдала в пять раз больше.

Ох, как нескоро ещё посадка на почтово-пассажирский, который идет до Красноводска 55 часов, останавливаясь около «каждого столба», чтобы выгрузить почту. Обыкновенный пассажирский идет 45 часов, но он будет только завтра утром. Нет, лучше в пути, чем в томительном ожидании. Мои размышления прерывает взволнованный голос молодой женщины. Она стоит на перроне Южного вокзала среди ожидающих посадки пассажиров. Стройная, нежная. Как удивительно

напоминает её прическа и весь облик молодую Анну Ахматову. Особенно эта шаль с кистями, накинутая на плечи. Юную женщину сопровождает дородная, изрядно пожившая дама, на вид азербайджанка.

Улавливаю смысл речи: бедняжка жестоко обкрадена, осталась без вещей и без денег, слёзно просит о помощи. Равнодушных не оказалось. Но вот уже отдано последнее пожертвование и получено последнее проникновенное «спасибо» вместе со смущенной и грустной улыбкой. Пара удаляется. Наверное, покупать билеты домой. Да, город хлебный, ты как жесток, так и чуток к чужой беде.

Солнце давно уже опустилось за горизонт. Посадки всё нет. Вот уж поистине ненормальный поезд, в нём нет купейных вагонов. Может, и ещё чего-то нет. Увидим.

Посадки всё нет. Сколько часов, как должны уехать? Два? Три? Перестали считать. Вот он, родимый, наконец. Толпа, внезапно озверев, ринулась в вагоны. Что, у вас места на нижние полки? Фиг вам. Я первый занял.

Ну что ты будешь тут делать? Пришлось усиленно доказывать, что у нас билеты компостированы на этот поезд ещё с раннего утра, что моя мама не может в её возрасте лазать на верхнюю полку, что места наши, законные и т.д. Утрясли, наконец, при помощи проводника и этот вопрос. А ехать, право же, не так уж плохо: встречный ветерок влетает в окна вагона. Не то что в алма-атинском купейном с закупоренными окнами, где от недостатка кислорода у меня щипало моё не совсем здоровое сердце. Отчего пришлось большую часть ночи тесниться с Васяткой на нижней полке.

Совсем неплохо, что поезд оказался почтовым: гуляй – не хочу по перрону Самарканда. Почта выгружена. Ехать? Ан нет. Ещё и погрузка будет, которая происходит более медленно. Успеваем с Васей основательно заснять с возвышения панораму старинного города. Когда я была в 1966 году в Самарканде на практике, об обратимой пленке «Орвохром» я и не слышала. Мама охотно фотографируется на фоне куполов: как приятно будет освежить в памяти это милое путешествие. Лампа диапроектора выявит четкие падающие тени от белой южной архитектуры, оттенит белизну пышных маминых волос от новоприобретённого ташкентского загара. Обратимая пленка у нас припасена в достаточном количестве на всё путешествие-лечение.

Бухара – Саган. Какие-то переселенцы с синими глазами в чалмах сидят на своих тюках. Что изменилось за эти двадцать лет? Понастроили современных зданий. Теперь всем удобно. Журчит вода в фонтанчике. Зеленеют деревья. Чисто. Ветерок. Прохладно. Ты ли это, Бухара? Апрель поворачивает на вторую половину, но становится прохладно. Как это понимать?

Скоро, скоро Амударья. Я смутно помню с юности эту широченную судоходную реку. (Тогда, в 1963 году, родители провезли нас с братом Валерием почти через весь Советский Союз, где были друзья и родственники: Новосибирск, Москва, Калуга, Юхнов, Киев, станция Чу, Алма-Ата).

Рассказываю об Амударье Васятке. Ждем. Поезд останавливается на крохотных полустанках. «Гуляй – не хочу» надоело. Но вот долгожданный саксауловый лес на горизонте. Приближается серая непроходимая чаша. Она совсем близко! Но что это? По обе стороны поезда проносятся редко стоящие друг от друга особи этой породы. Впереди густой лес, а когда доберёшься до него, он совсем иной. Да, вот так.

Долго, долго тянутся саксауловые леса, не оправдавшие моего ожидания. А вот и зеркальная гладь на закате дня. Вязкая глина с песком испещрена знаками овечьей жизни. Река, что сделалось с тобою? И здесь плоды цивилизации, отнявшие у тебя значительную часть воды. Ты не поражаешь воображения моего сына так, как некогда поразила меня. Да, всё течёт и изменяется. Но я не хочу, чтобы ты менялась так быстро и так печально.

Посёлок за посёлком. Хлопковые поля, обсаженные тутовыми деревьями с характерными длинными «усами» на корявых стволах. Мутно-глинистые ручьи и каналы. Но и это кончается. Остаются только пустыня, поезд и мы в поезде. Почему-то холодно. На очередной остановке выходим, одевшись потеплее. На полустанках внимание привлекают беседки-перголы с лежащими на их крышах толстенными виноградными лозами. Такие лозы-брёвна я вижу впервые, но снять их на мою цветную пленку не удаётся. Объект далеко.

Пора спать. Завтра проедем мимо иранской границы. В моём атласе на карте это довольно большое расстояние. Васятка предвкушает некое разнообразие.

В поезде появляются люди в туркменских одеждах. Мама как рыбка в воде среди туркменских стариков и молодежи. Они мило все вместе беседуют о старых и новых временах, делятся наблюдениями, рассказывают, кто, куда и зачем едет. А вот и обещанные туркменами пограничники появляются в поезде: значит, скоро будем ехать рядом с иранской границей. Вот она, чужая земля! Та же, что и у нас, разделяет только колючая проволока и распаханная полоса. На чужой стороне дзоты, повернутые в нашу сторону. Пограничники с автоматами. Прошу у пограничника разрешения выйти из вагона на переезде. Один белый домик и потрясающей красоты дерево с облаками сиренево-розовых цветов-метелок, пушистых и нежных. Вот это да! А листья у дерева мелкие, серовато-бирюзовые. Вот два цвета, которые так подходят друг другу на фоне серого дождливого дня: бирюзовый и сиреневый... Делаю два-три снимка. На стволе крупные капли, они повисли и не падают там, где дерево делает горизонтальный изгиб. (Через десять лет я вспомню его в своих акварелях). А в вагоне некоторая суета. Приближаемся к Ашхабаду, туркменской столице.

ИНЦИДЕНТ НА ПЕРРОНЕ

Ашхабад встречает солнцем, обилием всяческой и вкусной еды, но главное... Главное – это девушки на перроне. Прихватываю фотоаппарат. Тонкие талии, подчеркнутые национальными платьями, длинные косы, шапочки с заострённым верхом, а на груди крупные металлические украшения. Чеканка? Рассмотрю дома через диапроектор. А сейчас не спугнуть бы их оживленного общения. Делаю несколько быстрых кадров, не поднимая фотоаппарат к лицу, естественно.

Вот здесь и вырастает передо мною красавец с самонадеянной улыбкой и начинает «закидывать удочку»: куда я еду и т.д. Будь он не столь уж внешне неотразим, я дала бы ему весьма удовлетворяющий ответ. А этот наглец явно ожидает, что я буду очередной жердиной в рассыпающихся перед ним штабелях. Аполлонистый совсем уж рядом. Жужжит как муха. Красуется. Пришлось ответить, что у меня нет времени на разговоры.

Резкий жест – и у меня перед носом милицейское удостоверение с фотографией, на которой сей красавец изображён в форменной одежде. На погонах две

или три лычки – не успела рассмотреть. Оказывается, теперь я задержана, ибо снимать на перроне (стратегическом объекте) – государственное преступление. Меня ведут к майору, начальнику станционной милиции, с пакетом молока и «Зорким-4». Требуют отдать мою цветную пленку. И если там не будет ничего опасного, мне её в проявленном виде вернут, т.е. пришлют в Алма-Ату.

Когда сержант вышел, начальник сказал, что всё это глупо, он понимает, приносит извинения, просит отдать пленку ради него: у него дети, а этот «тип» в противном случае поможет ему слететь со служебного места.

Я уже в вагоне. Так нет, сержант не унимается. Устроил допрос пограничникам в вагоне: не делала ли я каких-либо секретных съемок. Те ответили, что я снимала только дерево на разъезде таком-то. Это было не опасно.

Стоит над душой. Я готова уже заплакать. Мама расстроена. Она говорит, что нужно разбираться в людях. Ну, какие же мы шпоны? Засовываю пленку с аппаратом в темный рукав. Можно было бы ему подсунуть кусок оставшейся не отснятой пленки, но боюсь это делать. Думаю, они же проявят. Как тут обманывать: они ведь взяли подробный адрес из паспорта, когда я писала «объяснительную». Проявят, увидят, что ничего опасного и пришлют. Какая же была наивная! Отойдя от меня на три метра, он засвечивает пленку и протягивает её мне вместе с кассетой.

Поезд трогается. Слезы рекой. Участливые туркмены окружают меня, успокаивают. Бабулька расстегивает теплый жилет: там туркменские украшения. Сфотографировала, конечно. Освещение не то. Да и специально позирует.

Ничего не поделаешь. Типичный случай восьмидесятых годов (имею в виду инцидент на вокзале). Да нет, дело не в восьмидесятых. Это просто мы таковы. Мы трусы. Но чем дальше мы отодвигаемся от командной системы, тем менее трусливы. Когда же это всё сойдёт на нет?

СОБЫТИЕ КРАСНОВОДСКОГО МАСШТАБА

Остаток пути перед Красноводском. Ночь. Красноводский вокзал. Тупик. Рельсы кончились. Дальше – только море. Из полупустого вагона пересаживаемся в маленький автобус, который везет нас к берегу Каспия на паром. На морском вокзале все пассажиры выстраиваются в маленькую очередь за билетами на Баку. А нам всего лишь компостировать как транзитным пассажирам. Здесь-то и обнаруживается, что наши транзитные билеты остались у проводника ташкентского поезда. Оставляю вещи и маму с Васяткой на вокзале, сама быстро назад в Красноводск на подвернувшемся такси. Железнодорожный вокзал пуст. Вокруг темнота. Нахожу свой вагон. Не успела постучать – выбежал проводник с нашими билетами. Понял свою оплошность.

Ночной Красноводск рассмотреть не успеваю. Какие-то скалистые горы. Темнота. Тишина. Таксист, естественно, пытается познакомиться (он же азербайджанец). Познакомиться с продолжением, конечно. Весьма уважительно выслушиваю его высказывания – деваться некуда. Говорю, что у меня каждая секунда на счету: он прибавляет газу. Подъезжая к вокзалу, мы видим с вершины горы, как отходит от берега паром – этаким красивым корабль в ярких огоньках. Я тороплю водителя: ведь мама волнуется. Правда, мама не успела разволноваться.

ибо съездили мы невероятно быстро. Таксист сообщает, что очередной паром будет только через четыре часа. Сидим в пустом зале, едим холодную красноводскую курицу, купленную здесь же в буфете. Внезапно в идиллию нашего позднего ужина врывается гул мужских голосов. В одну из трех дверей морского вокзала вваливается толпа мужчин. Мы скромно сидим в уголке. Кавказцы возбуждены. Осматриваются. Видимо, кого-то ищут. Оказалось – нас. Самый представительный начинает разговор:

– Это вы те люди, который отстал от парома?

– Мы.

Они оживлены, усиленно жестикулируют. Внимательно слушают, прищипывая языками, рассказ толстяка, который принимается в третий раз излагать, как он, войдя в зал, заметил «бабушку с малчиком». Кто такие, почему здесь, если паром уже отошел?

В пятый раз, наверное, выслушивается пересказ моего таксиста, как он «слетал» на железнодорожный вокзал и назад, но жаль, не хватило времени. Постепенно оживление спадает. Мужчины уходят. Да, тупиковый город – есть тупиковый. Даже такая мелочь для них – событие.

Сидим, ждём. За стойкой дремлющий буфетчик со своими изрядно высохшими курицами. Мёрзнем. Ветер усиливается. Он проникает во все щели. Каспий, конец апреля – и надо же такое! Все тёплое уже давно надето, но толку мало.

Приходит хромой паромщик, он тоже азербайджанец. Оказывается, здесь в Туркмении всё паромство азербайджанское. Паромщик добр и участлив. Видя, что мы мёрзнем, обещает привести какого-то всемогущего Эльбруса. Хотя что можно изменить: ведь следующий паром будет через два с половиной часа? Но вот приходит Эльбрус – молодцеватый морской офицер. Оказывается, помкапитана. Он легко поднимает два наших чемодана, остальное берет паромщик.

Даже будучи уже взрослым человеком, я полагала, что морской паром – это нечто, похожее на собственно паром: этакая платформа, на которую вкатывают поезд. Мы продолжаем следование, лёжа на вагонных полках, а вокруг нас – вода. Оказалось – нет. Мы продолжаем путешествие на замечательном морском лайнере югославского происхождения с великолепной отделкой красным деревом, роскошными коврами, уютными каютами, внутри которых есть даже кран с холодной и горячей водой, но всё это будет позже.

А когда мы взошли на паром во главе с Эльбрусом, дальнейший путь был преграждён сердитой горничной весьма странной внешности: платье, в общем-то, обыкновенное, белый фартучек накрахмален. Но, боже, что это с её лицом? Пушистые синие ресницы-опахала, вокруг глаз толстенные обводки, ласточками заканчивающиеся почти у границы висков (а-ля Нефертити). Набелена, нарумянена – живой кожи не видно.

По казахстанскому неведению своему я полагала, что такие «лица» могут быть только у девиц определенного рода занятий. Занятие её было весьма серьёзным. Помкапитана говорил с нею на своём языке мягко, уважительно, но настойчиво. Видимо, объясняя ей, что не может он, пригласив людей, выдворять их снова на холод. Крашенная красotka, поджав губы, посторонилась, предварительно отдав ключи от каюты Эльбрусу.

И вот мы в тепле – какое счастье!

НА ПАРОМЕ

Кроме нас на судне еще двое пассажиров, которые переправляются со своими автомобилями. Штормит. Эльбрус объясняет, что это совершенно не влияет на ход парома, ибо у одного есть подводные крылья, которые выдвигаются по мере надобности и т.д...

Еще на красноводском морском вокзале я с подробностями объяснила участливому и любознательному буфетчику, кто мы такие, куда и зачем едем. Осведомленный об этом, как оказалось, Эльбрус просит у меня консультацию – ведь я же художник. Он говорит, что вместе с его новёхоньким кораблем, кроме ковров и прочих причиндалов, прибыли и роскошные стенды, которые нужно оформить и разместить. Фотографии уже есть, а вот как их расположить, подписать, сделать заголовки? Ну что же? За дело. К слову сказать, я никогда не путешествую без хотя бы минимального набора для художников: акварельные краски, гуашевые белила, кисточки 5-7 видов, клей ПВА, фломастеры, карандаши, ватман, торшон...

Пока я работала в их роскошном красном уголке, сотрудники не оставляли без внимания маму и Васючка. Сыну устроили экскурсию в машинное отделение, дали всё, что можно, потрогать собственными руками и т.д. А тут еще Вася углядел где-то вверху, под самым потолком, взрослого птенца удода. Матросы не без трудностей птицу сняли. Чего не сделаешь для почётных пассажиров? По прибытии в город Баку угод был выпущен в его благословенное небо.

Мамочку развлекали рассказами о событиях и случаях в пароходстве, отвечали на все интересующие её вопросы. Потом, когда я вернулась в каюту, мама передала мне один из особенно примечательно-поучительных рассказов. В этих краях довольно много цыганского населения, частенько туда-сюда переправляющегося на паромах. Так вот: в таком-то году на одном из паромов вышел скандал. Табор вёл себя уж очень весело и разухабисто, цыгане сильно намусорили, вывели из строя несколько унитазов. Капитан, который вышел к ним, чтобы призвать к порядку, был выброшен за борт. Так что с этим народом лучше не вступать в пререкания.

Двенадцатичасовое путешествие подходило к концу. Эльбрус просветил нас, что в возможностях парома пересечь Каспий за восемь часов, но они вынуждены идти медленнее, чтобы быть в соответствии с остальными судами, т.е. не нарушать графика.

Я на палубе, дышу ветром Каспия. Холодно. Низкие тучи. Волны свинцового цвета со всевозможными оттенками бирюзы. Скоро Баку. Насмотреться бы впрок на это великолепие! Рядом со мною возникает посланник приглашающей стороны. Приглашают на банкет, который начальство даёт в нашу честь. Видимо, стенды сильно уж понравились. Да, ребята, вы правы. Стенды хороши. Вам повезло, что вы имели дело не просто с художником, но и архитектором, декоратором, оформителем...

Стол был накрыт в круглом зале. Великолепные шашлыки нескольких видов, фрукты, заморские яства. Красивые тосты в нашу честь. Приглашения в гости в любое, удобное для нас время. Обмен адресами и телефонами. А я мечтала смотреть с палубы, как приближается Баку, сделать несколько снимков, где на переднем плане будет вода, а далее – сказочный город. Как оказалось – не судь-

ба. Но маме и Васе прием очень понравился, я была рада за них. Да, и ещё одно везенье: пока я работала, мои, гуляя по теплоходу, набрали на элитный (иначе не скажешь) буфет, где свободно продавались деликатесы. В 1986 году сгущённое молоко и какао были суперделикатесами. Привезенные друзьями из Москвы, они были королевским подарком...

БАКУ, БАКУ, БАКУ!

Ступив на твёрдую землю, Вася первым делом с радостью отпускает удодика на волю, сетуя лишь на то, что все родственники птенца остались в Красноводске. Наш багаж несколько отяжелён деликатесами. Осматриваемся. Где тут у них, на морвокзале, камера хранения? Не успела подумать, как появился тот, у кого можно спросить. Местный парень. Со словами «я покажу» подхватывает наши чемоданы.

Идём долго. По пути парень спрашивает меня, кто мы такие, куда и зачем едем? Я охотно отвечаю. Оказывается, он дотащил багаж до камеры хранения железнодорожного вокзала. Два вокзала рядом – это рационально. Открываю сумочку, чтобы расплатиться с парнем. Он с достоинством отказывается. Спрашиваю, почему же он тащил всё это, даже если ему в другую сторону?

– Как зачем?! – восклицает «носильщик». – Узнать, кто вы такие, куда едете, зачем едете, откуда едете!

Моему изумлению не было предела. Архаика.

По местному времени сейчас восемнадцать часов с минутами. Поезд на Тбилиси в двадцать два. Отстояла очередь в кассу. Места есть, но все три места в разных купе на вторых полках. Это явилось для меня неприятным известием. Сообщаю кассирше, что у меня есть импортный мужской батник по своей цене. Нужно три билета на завтра тоже по своей цене в одном купе, нижних полок – две. Обрадованная женщина приглашает на завтра к открытию кассы к четырнадцати часам. Ура!

В роскошной высотке – привокзальная гостиница. Иду на таран.

– Мы транзитные пассажиры. С парома. Вот наши билеты.

– Поезд в двадцать два. Вы прекрасно успеете ещё уехать на Тбилиси.

– У меня пожилая мама и маленький сын. Едем на курорт лечиться, а нам предлагают вторые полки в разных вагонах. Сделайте нам нормальные места в поезде – и мы уедем.

– Ну, что мне с вами делать?

Я невинно смотрю в глаза дежурной, не собираясь давать «на лапу» ни одной копейки. Она первая отводит взгляд:

– Ну, давайте ваши паспорта.

Дама быстро заполняет бумаги на азербайджанском языке, а наши фамилии и имена перерисовывает по одной буквочке.

Маму с Васей поселяют в какую-то роскошную гостиную на мягкие диваны. С коврами, а главное – с настенным аквариумом. Я же попадаю в большую комнату со множеством узких подростковых кроватей. На одной из которых уже лежит женщина. Вежливо здороваемся. На дежурный вопрос откуда-куда отвечаю кратко, – сказывается бессонная ночь в Красноводске. Полумрак. Я выбираю место на противоположном конце комнаты. Снимаю джинсы, в переднем кармане которых в носовом платке вся наша семейная касса, пристегнутая

большой булавкой. Сейчас я чуть-чуть отдохну, а потом тщательно расправлю пузыри, образовавшиеся на коленях, придавлю матрасом, сама, естественно, сверху: и штаны завтра будут выглядеть как выглаженные – с этой мыслью я немедленно засыпаю.

Шум, топот, хлопки, гомон женских голосов. Что это? Цыганский табор? Время – полночь. Но те же вопросы: откуда-куда. Оказывается, они из Астрахани. По ходу разговора одна из женщин произносит по-русски «ой, брешешь» и – переходит на цыганский язык. Постепенно шум стихает, и я опять засыпаю.

В шесть утра входит дежурная и предупреждает, чтобы к семи комната была свободна. А мне того и надо: больше времени останется на осмотр города.

Подъем! А где мои джинсы? Спокойно висят на спинке кровати. Я похолодела. Наши деньги! В порядке ли они? Не веря в счастье, перегнувшись на постели, хватаю штанину и тяну к себе. Платочек вываливается из кармана и висит на булавке. Из уголка высунуты купюры. Вчера я так и не успела их припрятать. Две девицы, сидевшие рядом с моей кроватью, мгновенно прекращают свой цыганский разговор. Прямо-таки онемели. Одна другую толкает локтем в бок. Глаза максимально округлены. Бог Путешествий явно благоволит именно мне. Благодарю.

Культурный центр города Баку вытянут вдоль побережья. Город цветёт и благоухает, но холод стоит невероятный. В универмаге мы – самые первые покупатели. Покупаем маме теплые шерстяные гамаши. В данном отделе нет примерочной, и маму любезно приглашают в служебный кабинет для срочного утепления. Теперь всё в полном порядке. Гуляем по универмагу, и пошли «охи» да «ахи»: оказывается, здесь свободно продаются красивые махровые полотенца. Берём непременно и побольше, побольше – это для наших калужан и юхновчан, которых навестим на обратном пути (обратный путь будет исключительно самолетным). Какие чудесные туфельки! Кожаные, легкие. И надо же – местные, а выглядят лучше импортных!

– Лида, примерь: у вас с Леночкой нога одинаковая, – мама воодушевлена: Баку ей нравится всё больше и больше. А что же Вася? Тут и говорить нечего. Бэмвэшки и танчики совсем другие, чем в Алма-Ате и Ташкенте. Да и куда ни глянь – всё другое и, главное, интересное. Берём, но совсем с небольшой оглядкой на наш капитал. Денег достаточно.

Избавившись от покупок в камере хранения, налегке начинаем осмотр города: Приморский парк, Девичья башня, знаменитые Серные бани... Купола, изразцы, чистые красивые улицы. Стены домов увиты виноградными лозами невероятной толщины. А вот и дворец Ширвин-шахов! Великолепная древняя архитектура. Этот комплекс, безусловно, восхищает. Но что я вижу? Вот это да! Огромная виноградная лоза-бревно в одном метре от поверхности земли лежит на толстенных иксообразных подпорках. Вот и увидела вблизи этакое чудо!

Гуляя по Баку, встречаешь исключительную доброжелательность, приветливость, добродушие местного населения. Люди помогают советами, выказывают желание проводить до нужного нам места буквально за улыбку и «спасибо». Фотограф, например, починил мой «Зоркий» и категорически отказался от оплаты. А как же: я его коллега!

Приезжая в любой город, первым делом покупаю план-карту со схемами дорожного движения. Думая, что я, возможно, местная, люди обращаются ко мне

с вопросами: на каком транспорте им доехать туда-то и туда-то. Достают схему и быстренько ориентирую. Мама всегда этому удивлялась (особенно в московском метро), откуда я знаю, на какой линии переходить и т.д. А я и не знаю. Просто нужно смотреть на карту – там все обозначено.

До отхода нашего поезда ещё целых три часа. Я, естественно, достаю карту города и предлагаю сделать большой круг по городу на трамвае, и как раз посмотрим новые места. Через полтора часа мы возвращаемся к исходной точке. На выходе к нам обращается водитель трамвая. Он недоумевает, как мы снова попали в трамвай, если мы садились на этой же остановке. Мы подробно объясняем ситуацию.

– Значит, вам так понравился наш город, что вы даже в последний час продолжаете им любоваться? – восхищается бакинец.

– Да, конечно. Очень. Город у вас замечательный и люди очень хорошие, – отвечает мама.

– Что вы говорите?! Какие они хорошие? Сволочи. Билеты не берут.

ТБИЛИСИ

Ночи как не бывало. Ранним утром мы уже в Тбилиси. В течение целого дня город в нашем распоряжении. Поезд на Батуми поздно вечером. Теперь мы в метро. В электричке нам с мамой моментально уступают места: с Москвой, в этом случае, никакого сравнения, но живо напоминает нашу Алма-Ату. Всё-таки Восток – есть Восток. Воспитание.

И куда мы? Конечно же нас зовет Авлабар.

В наш прошлый приезд мы осматривали центр и прекрасный парк имени Сталина, что на высоченной горе в центре города. Туда – на воздушном трамвае, оттуда – на фуникулёре. На середине горы – пантеон грузинских знаменитостей. Есть и могила матери Сталина на особо почётном месте. Внутри скалы в гроте захоронение Александра Грибоедова, а через тридцать лет – его жены Нины Чавчавадзе. «... Зачем пережила тебя любовь моя?..» – крик сердца пятнадцатилетней Нины остался в камне на века.

Что такое Авлабар? Это Метехское плато над мутной Курой. Конный памятник Вахтангу Горгосале – основателю Тбилиси, храм и много чего ещё со страниц древнего грузинского альбома. Спускаюсь по дорожке, проделанной в скале, чтобы ухватить фотообъективом великолепие грузинского храма снизу. За очередным поворотом – овца и пасущий её лопухий мужчина под грузинской кепкой. Оба смотрят на меня вопросительно. Щелчок затвора. Их уши параллельны относительно друг друга. Я назвала этот снимок «Взгляд».

Двухэтажные домики на краю скалистого обрыва над Курой. На гвоздиках, забитых в наружные стены домов, висят тазы и корыта, которые видны даже с противоположного берега реки, с того места, где начинается элитный центр. Вася интересуется, часто ли падают эти посудины в Куру. Сын не без юмора.

А Метехское плато – суший рай для истинных туристов. Сувениры на любой вкус. Отличная грузинская еда в так называемой харчевне, по стенам которой развешены клеёночные копии картин Николозо Пиросманишвили «Два грузина у марани», «Портрет актрисы Маргариты», реклама мясной лавки, булочной и так далее.

Сациви, хачапури, шашлыки – этим нас уже не удивишь: мы не первый раз в Грузии, а второй. Что интересно в любые времена, так это то, что грузины съедают невероятное количество зеленой травы. Если у нас еду сверху чуть-чуть присыпают укропом или петрушкой, то здесь на каждого посетителя огромная суповая тарелка с горой разнообразных трав. Цены сверхнизкие. В кафе – 15-20 копеек, в столовой – 5-10 копеек. Вот еще и поэтому грузины – здоровая нация.

В ПОЕЗДЕ ТБИЛИСИ–БАТУМИ

Насладившись Авлабаром сполна, возвращаемся на вокзал. Мы одни из первых входим в свой вагон: мама не была бы самой собою, если бы не прибывала на вокзалы минимум за час до отправки. Нам лишь остаётся подчиняться её требованию.

Мы уже разместились в своём купе, а до отправки ещё уйма времени. Наш четвёртый пассажир – инженер-строитель, житель Тбилиси по имени Месроп (если не ошибаюсь), кстати, мой ровесник. Этот ПГЭСник одет с иголки, тщательно причёсан, надушен (предполагаю, дорогими духами, хотя в этом не разбираюсь). Одним словом, человек едет в командировку. Общий язык нашли сразу: я бывший архитектор, он – действующий строитель. Его объект в Батуми.

Двери всех купе ещё открыты: посадка заканчивается.

Вдруг слышу нежный и проникновенный голосок, повествующий о том, что некая бедняжка была жестоко обворована, и теперь ей не на что возвращаться домой. Соседнее купе – сама участливость. Теперь дамочка в ахматовской шали предстаёт перед дверью нашего купе, а с нею та же гориллоподобная спутница с усиками над верхней губой. Звучит рассказ об ограблении в Тбилиси. Месроп уже достал роскошный объемистый бумажник, но тут вступаю я:

– В Ташкенте на Южном вокзале пять дней назад вы рассказывали ту же историю. Значит, вы ездите по разным городам и обманываете людей.

На это монумент с усиками парирует:

– Мы никому в карман насильно не лезем.

Парочка спешно покидает наш вагон, возможно, и поезд, а мы вчетвером изумляемся ее изобретательности и расстановке сил.

Получаем слегка влажное постельное бельё. Устраиваемся на ночлег. Месроп в ослепительно-белой маечке укрыт по пояс. Завтра – Кобулети.

Просыпаюсь от холода. Четыре утра. Мой сосед уже утепился: на нём пушистый белый свитер. А я спешно надеваю джинсы и пиджак джерси. Легла. Согрелась. Можно и уснуть. Но организм срочно запросился в отмечаловку. Ничего не поделаешь. Спускаюсь со своей второй полки. Иду. Радостно дёргаю ручку туалетной двери, но не тут-то было. Закрыто. Ругаю себя: долежалась. Переминаясь с ноги на ногу, жду минут пятнадцать-двадцать. Терпение на исходе, и я начинаю усиленно стучать в дверь. Тишина. Предполагаю, что дверь, видимо, каким-то образом заело, и нужно идти в другой конец вагона будить проводника. Но дойду ли? – вот в чём вопрос. А что делать? Отвешиваю на прощание два-три безнадежно-отчаянных пинка в дверь и слышу мужской голос:

– Сейчас.

Ну вот. Какого-то бедолагу даже «пронесло». Мне не в пример легче. Дверь открылась – и я стремительно рванула, едва не зашибив выходящего парня-

кавказца. Со словами «там есть» он резко захлопывает дверь у меня перед носом. Через полторы минуты выходит, которая «там есть»: легкий халатик, куцая химийшечка, на белой коже россыпь веснушек и невинный, кристальной чистоты, немигающе-голубой взгляд. Даме лет тридцать пять-сорок...

Солнечное утро. Кажется, началось потепление. За окном вагона бесконечная цепь Кавказских гор и предгорий. Мама с Васей в коридоре: на противоположной стороне посёлок с храмами.

Взгляд Месропа поверх этих изумительных пейзажей скучающе-тоскливо-меланхоличный. Рассказываю ему о ночном инциденте. При словах «там есть» он подпрыгивает так высоко, что едва не ударяется головой о верхнюю полку:

– Да где же он её взял?!!

– Как где? В вагоне, конечно.

Месроп огорчен, расстроен, раздосадован, а я думала, что он посмеется и только.

– Вот сопляки, что делают! И умеют же они устраиваться! Вот прохиндеи, а! – с видом несправедливо обойдённого восклицает мой сосед.

Но вот уже и Самтредиа, откуда поезд резко, под углом в девяносто градусов, поворачивает с грузинской земли на аджарскую. Ланчхути – Супса – Уреки – Очхамури – Кобулету. А через двадцать километров после Кобулету будет Батуми – столица Абхазии. Красотой Батуми и его окрестностями, дельфинарием, дендропарком мы упивались ещё в 1982 году. Наша цель на данном этапе – Кобулету.

ДУМБАДЗЕ. ВАХТАНГ МЕМЕДОВИЧ

Прибыв на место, покупаем две путевки: маме и Васе. Моя же досталась мне абсолютно бесплатно благодаря моей деятельности в качестве художника в торговой фирме одежды «Восход» и в сто шестьдесят первом хозрасчете, что у гостиницы «Туркестан» рядом с Зеленым базаром.

Маленькое отступление от главной темы. После института я десять лет проработала архитектором по специальности. Но когда расформировались наши «Малые архитектурные формы» в «АЛМААТАГИПРОГОРЕ», я рванула в художники. Тогда я не была ещё членом профессионального Союза художников – нужно было непременно где-то числиться для стажа. Числилась и работала в «Восходе». Своя мастерская и относительная свобода: море красок и всевозможных изобразительных материалов. Следует помнить, что это были времена великого дефицита товаров и великого девиза «ТЫ МНЕ – Я ТЕБЕ». Моя мастерская находилась непосредственно в магазине №10 «Меха – трикотажа».

А товары в те времена были высочайшего качества: Япония, Германия, Югославия, Греция, Турция, Чехословакия, Болгария, Англия, Франция... Поскольку я не брала ни одной копейки сверху стоимости, хотя и было принято брать, мне в благодарность несли всевозможные краски и другие изобразительные материалы, которые ни в коем случае не могли быть куплены, т.к. хорошие краски и кисти были тоже дефицитом. Мне это все тащили с согласия и потворствования руководителей мастерских, начальников цехов, главных инженеров и первых руководителей художественных и архитектурных предприятий. Лишнего было много, и я раздаривала это бедолагам-художникам. Получалось некое круговое счастье.

А что же сто шестьдесят первый хозрасчет, объединение столовых и ресторанов? О! Там я числилась не художником, а швейцаром. В те давние советские времена в любых организациях выделялись специальные лишние единицы рабочих мест для того, чтобы можно было рассчитываться с художниками. Где и кем только я и мои близкие ни числились ради моих мизерных гонораров: стеклопротирщиками в высотной гостинице «Казахстан», завхозами в научно-исследовательских институтах, воспитательницами в элитных детских садах (в «Березке», например), инженерами в пионерских лагерях и санаториях, нянечками в больницах, вахтерами и уборщицами в акиматах (тогда они назывались райисполкомами) и т.д. Хороших и малотребовательных к гонорарам художников передавали из рук в руки по рекомендации.

Так вот, сто шестьдесят первый хозрасчет мной весьма дорожил, так как я всегда им гарантировала первые места на праздниках «Прощание с Зимой» и «Осенняя Ярмарка». Подкидывая наличку на моё путешествие, руководительница сокрушается, что у швейцара отпуск всего лишь шестнадцать дней, а путевка – на двадцать четыре, да ещё дорога... Не давая ей расслабиться, говорю, что после Кавказа мы ещё едем в Москву, Калугу и Юхнов.

– Ай, ладно. Ничего. В крайнем случае, скажу верхнему руководству, что у художника запой. Отдыхайте и скорее возвращайтесь.

...Пансионат «Горизонт» всё также пользуется успехом и процветает. Получили чудесную комнату с видом на море. Разместились. Мама говорит:

– Давай посчитаем деньги и отложим на самолет, Москву и Калугу.

Увидев жалкие остатки, она волевым движением подгребает к себе нашу наличку, выкинув из нее восемь рублей в мою сторону, а остальное вместе с моим носовым платком исчезает в её объемном шестом размере.

Да уж, ситуация. Мама говорит, что цветной телевизор, море и еда бесплатно, а на остальное – восьми рублей вполне хватит. Ну и ладно, главное – при мне мои кисточки. Что-нибудь придумаю.

Эти четыре года жизнь в Кобулету не стояла на месте. Выстроился шикарный новый рынок. Смотрю, а вывески у них как попало нацарапаны. Надо, думаю, предложить им что-либо приличное. Отыскиваю кабинет директора рынка. Секретарша провожает до двери и раскрывает её, вежливо удалившись. На моё «здравствуйте» директор молодцевато, быстрыми шагами подходит ко мне и протягивает руку со словами:

– Думбадзе. Вахтанг Мемедович. Чем могу быть полезен?

Начало многообещающее. Думаю, что уж двадцатник на мороженое, чурчхелу, кино и аттракционы для Васьки я здесь заработаю. Выслушав мою историю о нашем длинном путешествии, во время которого были непредвиденные расходы, Вахтанг Мемедович заверяет:

– Не беспокойтесь. Перечислим, сколько вам надо. Давайте данные вашей Алма-Атинской организации.

– Нет. Вы не поняли. Нужно, чтобы, как только я закончу работу, мне сразу выдали деньги.

– Вы хотите сказать «наличными»?

Его чело, как говорится, «омрачилось думой».

– Наличными мы много, как положено, не сможем... А сколько стоит один портрет нарисовать?

Этого еще не хватало! Портрет ему рисуй... Да ещё позировать навяжется. А я в портретах не очень-то сильна. Ну, ладно. Справлюсь. Сфотографирую его в нескольких ракурсах. Перерисую с увеличением в черно-белой графике. Напустив на себя некую важность, говорю:

– Это, смотря в какой технике делать: в графике рублей сорок, темперой – сто-сто пятьдесят, а в масле...

Он перебивает:

– Нам нужен такой портрет: пальмы, море, горы. Нарисовать на стенке в торговом зале.

– Ах, так вам пейзаж нужен?

– Пэйзаж, пэйзаж! – радостно смеется заказчик.

Идем смотреть «стенка». Она оказалась два метра в высоту, шесть в длину. Всё это над кафельным покрытием высотой в полтора метра. Леса начнут готовить уже сегодня... Так сколько же будет стоить моя работа? То есть, та минимальная цена, за которую я соглашусь нарисовать это декоративное панно?

– Такая работа стоит по расценкам от шестисот до тысячи рублей (я говорила сущую правду). Меньше двухсот нет смысла делать.

– Хорошо, – радуется Думбадзе. – Двести. Нарисуйте нам два варианта, как это будет выглядеть.

Через день я приношу два листа. На первом: море, горы, пальмы, вьющиеся розы. На втором: море, бамбуки, горы, чайки, корпуса, утопающие в яркой южной зелени.

Глаза заказчика разгораются от восторга. Он выбирает вариант с вьющимися розами, но с условием, чтобы бамбуки, чайки и корпуса были размещены на этом же, первом варианте. Нет проблем. А что насчет аванса?

– Сколько?

– Десять.

Дает двадцать пять. Мельче у него нет. Окрылённая, возвращаюсь в «Горизонт». Трясу перед мамой своим авансом. Хвастаюсь предстоящим гонораром. Завтра двухдневная автобусная экскурсия: Новоафонские сталактитовые пещеры с подземным озером, ночевка в Сухуми, экскурсия по городу и обезьяний заповедник. Хотим? Конечно, да.

Мамочку мою медом не корми – дай смотаться на какую-либо познавательную прогулку. Сухуми на троих стоит сто двадцать рублей. Казна редет.

СУХУМИ

Мы в автобусе. Экскурсию ведёт молодой учёный-дендролог. Народ подобрался какой-то приземлённый. Ничем не интересуется. Не слушает. Не слушает изумительную лекцию о растительном и животном мире этих краев, где некогда был комариный рай, место ссылок, а маленькая завезенная тропическая рыбка гамбузия размножилась и уничтожила болезнетворное комариное наследство. Кончилась малярия. Со всего мира сюда, в Колхиду, были привезены тропические растения, которые размножились и создали ещё большую красоту и очарование этим краям. Народ занят своим делом: разговорами, едой и выпивкой. Экскурсовод сел поближе к нам и продолжал рассказывать для нас троих.

Новоафонские пещеры – это царство подземных природных храмов. Один другого краше. Везде сталактиты, сталагмиты, сталагматы переливаются, как драгоценные камни. Впечатление невероятное от всего этого фантастического мира.

А где же будем ночевать? В частном секторе. Нас сорок два человека. Заезжаем на широкий двор. На первом этаже частная гостиница. В огромном зале – женщины, в зале поменьше – мужчины. У Васи – отдельная комната в хозяйских апартаментах.

Утром под морозящий дождик начинается городская экскурсия. Затем обезьяний заповедник, где эти самые макаки-резусы разгуливают на свободе. Но свобода относительная. Они всё же в вольере, хотя и просторном.

Наш обед совмещается с посещением торгового центра. На свой аванс покупаю маме роскошный купальник цвета морской волны. К автобусу мы приходим самыми первыми. Экскурсовод спрашивает, как нам понравилась поездка. Всё прекрасно. Жаль только, что в программу не включено посещение Сухумского дендропарка. Там ведь такие бамбуки! Разные. Со всего мира. Экскурсовод задумчиво кивает. Потом говорит твёрдое «ладно».

Мало-помалу к автобусу подтягиваются экскурсанты, обвешанные всевозможными покупками. К положенному времени собрались все. Руководитель экскурсии делает объявление, что отправление в Кобулету будет через час. Народ стал возмущаться: «Это почему ещё?»

– Вот эта женщина мечтала посмотреть коллекцию бамбуков в дендропарке, и она её посмотрит! – чётко произносит экскурсовод.

– И что, мы все сорок человек будем ждать её одну?

– Но она же всех вас ждала, когда вы ходили по магазинам.

Автобус плавно подкатывает к воротам дендропарка. С ликованием в груди и свежезаряженной цветной плёнкой в фотоаппарате вбегаю в ворота храма растений. Чего тут только нет! Бамбуки чёрные, светлые, коричневые, розовые... Мне сказочно повезло.

ТЕПЕРЬ ЗА ДЕЛО!

На объект (центральный рынок) не поехала. Подоспели первомайские праздники и новая однодневная экскурсия: Цхалтубо, Кутаиси. Здорово! Это же бирюзовая река Риони! Это же храм Багратов! Гигантские следы древнего человека! А мамочку мою, как вы уже знаете, мёдом не корми – дай изведать что-либо познавательное. Извели. А как же иначе!

Прихожу к заказчику на пятый или шестой день после получения аванса. И что же я слышу?

– Бухгалтер не пропускает. Говорит двести рублей – это слишком много – сокрушенно сообщает Вахтанг Мемедович.

– И сколько же теперь?

– Сто пятьдесят.

Ну, слава Богу! А то я ведь подумала, что дадут сущий мизер. Впоследствии я узнала: бухгалтер была ни при чём. Деньги собрали со складов и торгующего народа, так сказать, на нужды рынка.

Значит так, ребята: даёте мне сто пятьдесят – будет вам и сделано на эту сумму. Гуашь, смешанная с водоэмульсионкой, даёт чудненькую матово-бархатистую

фактуру. К моим кисточкам также добавляются ещё и замечательные широкозахватные флейцы, принесённые по моей просьбе замом директора по имени Арчил Эубович. Работа спорится. Мелкими деталями и прорисовками себя не утруждаю, но, тем не менее, работа мне самой нравится. Нравится и многочисленным торгующим, которые по очереди подходят к моим лесам и спрашивают, сколько мне платят за эту работу. Сокрушаются, что я неправильно вела торг:

– Надо было сказать – пятьсот, тогда бы получила четыреста. Зачем сказала двести? Приезжайте к нам в горный поселок, мы хорошо заплатим. Сын из армии возвращается, много гостей приглашаем. Нужно, чтобы дома красиво было.

Приглашения сыплются на мою голову, как горох. Вахтанг Мемедович, видимо, заподозрил неладное и даёт в мою честь званый обед, состоящий из грузинских деликатесов. Нино (бухгалтер) обслуживает нас четверых. Мужчины уговаривают хотя бы попробовать их знаменитую чачу. Пригубила. А на следующий день не вышла на объект. Соврала, что болело сердце после чачи: пускай не пристаёт со своей выпивкой. Почему-то у народа укоренилось мнение, что, если ты художник, то должен пить. Да, есть такие ребята, но их мизер, если раскинуть на всю нашу братию.

На второй день моей работы Вахтанг Мемедович просит зайти в его кабинет. Он даёт мне... сколько бы вы думали? Сто семьдесят пять рублей. Получается – двести с авансом. И при этом убеждает меня сделать и вторую стенку, которая находится на противоположной стороне. Для симметрии. Ну что же? Надо так надо. Едва я успела дать обещание, как приезжает их министр из Батуми:

– У нас в Батуми на рынке большая стенка – хорошо заработаете. Жильем и продуктами обеспечим. Ваша мамочка и Вася – все будет хорошо.

С заказчиками мне, конечно, повезло, но времени остается мало. Дочь Лена заканчивает школу. Предстоит поступление. А впереди еще Москва, Калуга, Юхнов... Говорю, что мне необходимо закончить работу в Кобулету на этом рынке, а потом ехать домой. Мемедович цветёт. После разговора с его «начальником» мне выдается за вторую не начатую стенку гонорар в размере двухсот пятидесяти рублей. Ну, а в наш приезд в 1988 году сумма за такую же работу будет утроена, даже нет – учетверена.

И думаете, я покончила с хронической недостаточностью денег?..

А ВИ КАГДА ПРИЭХАЛИ?

«А ви кагда приэхали?» – традиционный вопрос, задаваемый всем приезжим женщинам на Кавказе. Это сыплется на тебя, как горох из ведра. Отвечаешь по-разному, в зависимости от обстоятельств, настроения и т.д.

– Пожалуйста, быстрее отойдите от меня, а то муж увидит – убьет и вас, и меня.

– А когда мужа не будет рядом, давайте мы с вами встретимся.

Или же:

– Я уезжаю, через час отходит мой поезд.

– Так у нас же еще целый час впереди!

Чем невзрачнее мужичок, тем вежливее мой ответ. Терпеть не могу самоуверенных наглых красавчиков, которые считают, что их внешность – это уже гарантированный успех.

В наш второй приезд в Кобулету в 1986 году, когда я делала своё первое живописное панно в интерьере нового кобулетского рынка, я ездила из пансионата «Горизонт» через весь город (приблизительно восемь километров) на городском автобусе. На одной из остановок входит красавчик. Садится рядом:

– А ви кагда приехали?

– Вам это знать не нужно.

Обиделся. Напыжился. Резко вытягивает руку вдоль спинки моего сидения. Теперь, если я обопрюсь на спинку, буду соприкасаться с его рукой. Едем. Наглец руку не убирает. Говорю:

– Пожалуйста, уберите свою руку.

– Нэт. Мне так удобно.

– В таком случае и я буду делать то, что мне удобно. В последний раз предупреждаю. Уберите руку.

– Нэт.

Ну, что ж, нэт так нэт. Я резко обхватываю его шею двумя руками и пригибаю к своим коленям. Автобус полупустой. Многие смотрят на нас.

– Пусты-ы-ы... – шепчет парень снизу.

Мой левый локоть впивается в его шею. Красавчик в два счета мог бы вырваться, но он не хочет «терять лицо» перед пассажирами. Видимо, боится, что я еще что-нибудь отмочу.

– Хамить не будешь?

– Нэ буду.

Я отпускаю. На ближайшей остановке он буквально выбегает из автобуса.

А в самый-самый первый наш приезд, в августе 1982 года, этот вопрос я услышала от почти столетнего дедушки. Понадобились глазные капли для Васючка – и я рванула вдоль длинного проспекта имени Ленина в поисках аптеки. Полдень. Вокруг ни души. Спросить не у кого. Самостоятельно пробираюсь между строениями. Вывески с переводом на русский. Вижу – на одинокой скамеечке в тени развесистого платана отдыхает, опершись на клюку, этаким поджарый патриарх. Я к нему. На мой вопрос насчет аптеки он отвечает вопросом:

– А ви кагда приехали?

Что ж? Старики – они и в Африке старики. Любят расспрашивать от нечего делать. Любопытство удовлетворяю на сто процентов. Когда, с кем, зачем, откуда и т.д. После чего дедуганчик говорит:

– Хочу у вас спросить, но стесняюсь.

Ну, думаю, коль стесняется, значит, будет деньги просить. Сколько же дать? Пятьдесят копеек или рубль. Я, улыбаясь, подбадриваю:

– Не стесняйтесь, говорите, говорите!

Он тоже разулыбался:

– Вы мне сильно понравились. Я хочу с вами быть. Делаю вам подарки – золотое кольцо. Високая проба!

Моему изумлению нет предела.

– Деда, что вы говорите!?! Стыдно. Вы же одной ногой в могиле стоите! – Я полагала, что это достойный ответ на похотливое предложение.

– Э-э-э, доченька! Ваши мужи скорее меня на могила пойдут! Аптека вон за тем домом. Красная крыша.

А еще мужчины побережья имеют такой обычай: подойти на базаре и постараться оплатить твои покупки. Продавцы на их стороне. Однажды на рынке джентльмену удалось это сделать за меня. Продавец взял не мои, а его деньги. Мужская, так сказать, солидарность. Идем от прилавка, я пытаюсь отдать деньги. Категорически не берет. Привожу свои доводы:

– Как зовут, не скажу. Когда приехала, не скажу. Знакомиться не буду. Заберите ваши деньги.

– Подожди, подожди. Не здесь. Отдашь, когда за угол зайдем.

Я никого не осуждаю. Люди берут от жизни то, чего им не хватает. То, в чем они остро или не очень остро нуждаются. Спрос рождает предложение. И наоборот. Я же беру отовсюду юмор. В августе 1982 года наблюдала на базаре такую картину. Высокий, стройный, модно одетый юноша лет двадцати – двадцати трёх несет в каждой руке по красивому букету гвоздик. И несет очень бережно. На гвоздики-то я, прежде всего, обратила внимание. В те годы у нас в Алма-Ате таких и в помине не было: на длиннющих стеблях, огромные, редкостного сиренево-розового цвета... Я, любуясь, проводила взглядом эти гвоздики.

Какое-то время хожу по базару. Думаю, куплю-ка местных яблок: наш алма-атинский запас приходит к концу. Сколько стоит? Пять рублей? Нет, мне нужен лишь один килограмм. Оказывается, пять рублей не ведро, а килограмм. А в Алма-Ате яблоки 15-20 копеек за килограмм. Ведро – рубль-полтора. Это я к вопросу о ценах. Какова же цена тех сказочных гвоздик? Выхожу за ворота и вижу эти цветы корешками вперед под мышками у дам, сидящих на заднем сидении роскошной «Волги» Газ-31. (Вах!.. Дамы возраста сорока-пятидесяти лет, формы их тел близки к сферическим, на головах куцые химиёшечки. А на передних сидениях два парня со снисходительными улыбками наблюдают за трапезой женщин. Те же уплетают шашлык с такой интенсивностью, будто за ними гонится стая голодных собак). Гвоздики изрядно примяты. Вот вам и «приехали»...

Конец августа 1988 года. ОСВОДовское побережье. Билеты домой на шестое сентября. Скоро этим «приехали» никто не будет надоедать. Хочу сообщить маме и Васе о том, что самолётные билеты уже на руках. Достала-таки. Но об этом отдельная история. Сейчас я радуюсь удаче и поднимаюсь с пляжа, где моих не оказалось. Преодолею серпантинчик и поищу их наверху. Вижу, на камне сидит наша русская мордуленция. Дедок лет семидесяти пяти. Рыжий, голубоглазый, курносый и с веснушками. В тени соломенной шляпы оттопыренные уши. Черный отутюженный костюм, белая нейлоновая рубашка, галстук, лаковые туфли. Ах ты, деревня! Нашел куда приехать в такой экипировке! Проникаясь сочувствием к русскому недотёпе, говорю: «Что, жарко, да?»

Из-под шляпы полыхнуло голубое пламя. Дедок соскочил с камня грациознее лани.

– Жарко, очень жарко! Представляете, так жарко!

Ну вот, сама напросилась. Ускоряю шаги. Как я могла дезориентироваться? Аджарцев рыжих на побережье достаточно, но они вроде бы горбоносые... Преодолела серпантинчик – и что же я вижу: навстречу мне вальжной походкой сей джентльмен. Как он очутился наверху раньше меня? Не по воздуху же летел! Неужели поднялся наперерез по склону в 60 градусов, не меньше? Дедуся, поравнявшись со мною, радостно спрашивает:

– А ви кагда приехали?

ЗУРА – СТУДЕНТ ЧАЙНОГО ТЕХНИКУМА

Кобулету. Август. 1982 год. Наш горизонтовский пляж. Народу тьма. На этом побережье нет песка. Здесь есть плоские камешки разных размеров, но и камни и камешки неизменно плоские, как оладушки, только очень сильно отшлифованы морскими волнами. Тысячелетья канули, а они всё шлифуются и шлифуются. Некоторые из них столь тонки, что с лёгкостью надламываются – и снова шлифовка. Ну, так вот... Камешки.

Разморенная солнцем, дремлю на пляже. Вася рядом. Чувствую, что меня забрасывают крошечными каменными оладушками. Оглядываюсь. Ничего подозрительного. Легла. Всё повторяется снова. Прошу Васечку, чтобы он аккуратно подсмотрел, кто это делает. Он сказал. При очередной диверсии мы рванули и засыпали парня с ног до головы всем тем, что попало под руки. Так мы познакомились с Зурой, студентом чайного техникума, проходившим практику на кобулетских чайных плантациях. Он сказал, что ему шестнадцать лет. Рост и сложение были достаточны и для двадцатилетнего, но парень был очень юн и с трудом тянул на пятнадцать с половиной. Тем лучше. Он нам понравился, и мы приняли его в нашу весёлую компанию, что явилось предметом зависти местных мужчин. Дело в том, что пансионат «Горизонт» – семейный, и вокруг бегают их дети, тбилисские Натэллы, Бэки, Георгии и Нодари, собственные же матроны сидят рядом, и этим кабальеро остаётся только направлять тоскливые взгляды вослед парочкам. Но дамы, приехавшие к морю без своих сильных половинок, предпочитают оставаться в помещениях, сохраняя белоснежность кожи, в то время как их дети резвятся на пляжах. Ежедневно воздух вокруг пансионатовских двенадцатиэтажных зданий оглашается монотонными криками:

– Бэка... Бэка... Бэка...

– Натэлла... Натэлла... Натэлла...

– Георгий... Георгий... Георгий...

А что наш Зура? После окончания своей работы он бежит на море, и мы весело общаемся. Как-то я сказала:

– Устала поясница. – Зура тут же предложил опереться на его спину. Мне это весьма понравилось, и я говорю:

– Зура, будь всегда моим шезлонгом.

На что он испуганно-расстроенным голосом:

– Нет, ни за что шезлонгом не буду!

– Но ты же уже им стал.

Он помолчал.

– А что такое шезлонг?

– Раскладные парусиновые кресла. Видел в «Интуристе»? У нас деревянные лежаки, а у них шезлонги.

– А-а-а – с облегчением протягивает Зура и застенчиво смеётся.

Эта святая чистота, этот грузинский юноша уехал через три или четыре дня нашего общения. В памяти остался один из рассказанных им анекдотов.

– Все говорят Лэнин, Лэнин! Постоянно говорят: Лэнин, Лэнин! Ну что особенного сделал этот Лэнин? Подумаешь, написал одна «Тыгриная кожа» и что?

– Так это же не он написал!

– Тогда тэм более!!!

В те времена во всех городах и населённых пунктах Грузии самая главная улица носила имя Ленина, вторая по значимости – Шота Руставели.

МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ

1988 год. Предварительно созволившись с Вахтангом Мемедовичем, директором Кобулетского рынка, собираюсь на заработки и отдых на побережье Чёрного моря. Вася и мама, конечно же, со мною. Категорически запрещаю маме брать на этот раз какие бы то ни было деньги. Я угощаю! Написать три декоративных панно в интерьерах рынка – хороший заработок. Гостиницу оплачивает заказчик. Начало июля. До сентября времени полно.

Приезжаем – и что же? Вахтанг Мемедович срочно отбыл в Киев устраивать свою дочь в институт, Софико, директор гостиницы, где мы должны жить, отсутствует, персонал ничего не знает. Что делать? Решение приходит молниеносно: опыт работы в пионерских лагерях у меня есть. Устроюсь с едой и проживанием. Буду им что-нибудь рисовать, а там и Думбадзе подъедет из Киева.

Оставляю маму с Васей на площадке перед гостиницей, а сама – на попутный автомобиль и – вперед по побережью. Для водителя такая поездка – маленькое приключение, удовольствие. Денег категорически не берет. Галантно открывает и закрывает за мной дверцу и, пока я бегаю в поисках главного руководителя, с удовольствием объясняет окружающим, кто я такая, что делаю и т.д.

Объехали шесть-семь здравниц. В двух нашла руководителей, и предварительный договор состоялся. Возвратившись, не застаю моих на прежнем месте: они уже поселены в свободный номер. Завтра будет отъезд отдыхающих, и Софико улучшит наше проживание: комната будет с видом на море и холодильником. Только на кой он нам нужен? Это гостиница ОСВОДа. Девять комнат, два этажа. Есть большая кухня-столовая с газовыми плитами и холодильниками. На первом этаже размещен эллинг – гараж для катеров и лодок. И вся эта прелесть в самом центре города, рядом с их администрацией. Центр – это хорошо, но в гостинице негде помыться: в умывальнике не получится. А рядом чудесная городская баня. Неплохо попариться с дороги. Идем, предвкушая. Покупаем чудный веник из веточек болотного эвкалипта с круглыми кожистыми листочками. Оказывается, сегодня – не женский день. Завтра? Нет, завтра тоже мужской день. А когда же наш? Только в понедельник. Я возмущаюсь:

– Это что за несправедливость?

– Что вы, – говорит кассирша. – Разве мы были бы против? У нас в этот единственный день баня пустует. Мы прогораем. Наши женщины баню не посещают.

До понедельника далеко. Берем душевую кабину. В дальнейшем мы приспособились мыться ночью прямо в море, в тени, падающей от нашего здания. На берегу парочки, общение, своя жизнь. Я – далеко за буйками в лунной дорожке. Надо мной созвездия, подо мной водная бездна. Мамочка – у самого берега с шампунем и мочалкой. Шестьдесят три незабываемых дня. Было весело, потому что я и работала, и отдыхала в окружении родных и... сплошного юмора.

Дней пять вдоволь поплавала – надо выходить на объект, т.е. центральный рынок города Кобулет, который в пяти-семи минутах ходьбы от нашей гостини-

цы. Большими кистями – фон, детали средними и маленькими. Работа спорится. А как же иначе? Чем больше стена, тем больше простора для творчества. Эскиз – в голове.

В трех шагах от меня какой-то кавказец лет сорока пяти усиленно наблюдает за моими действиями, а когда я спустилась с лесов вниз подлить в баночки красок, он подошел и стал напрашиваться в ученики, предлагая 300 рублей в месяц за то, что он будет работать со мной и учиться.

– Как смешать краски, как положить на стену, как сделать рисунок – два месяца хватит же? – все это он произносит с неподражаемым кавказским акцентом.

– А вы когда-нибудь рисовали?

– Нэт.

– А я рисую с самого детства, институт закончила...

– Что ?!!! Институт ?!!! Ты же молярка, зачем обманываешь? Если бы ты институт училась, ты бы сейчас в кабинете сидела!

Он ушел раздосадованный и возмущенный.

Жизнь в гостинице идет своим чередом. Мы все перезнакомились и даже подружились. Народ простой и доброжелательный. Две семьи художников Осиашвили и Рехвиашвили, актриса с дочерью, учительница Натэлла и так далее. Васе тринадцать лет, среди детей он самый старший. Васятка с детства отличный рыболов, что являлось предметом хвастовства его папаши, который любил говорить: «Дай Васе тазик с водой, он и в нем умудрится поймать рыбу».

Черноморские бычки и ставридки пользуются большим успехом у ОСВОДовских женщин. Вася щедро раздаривает рыбу и детям, и взрослым. Грузины – любители готовить еду. Мы же питаемся в столовой или в дешёвом кафе. Деньги на исходе, а мой работодатель застрял в Киеве. Я уже заняла у сотрудника рынка по имени Гамлет 25 рублей на подарок для моего мужа Сергея. (Удивительно, что у грузин очень часто встречаются имена, заимствованные у литературных героев и знаменитых людей древности: Архимед, Микельанджело, Гамлет, Сократ, Спартак...) Это был чудесный мужской дорожный несесер – импортный, в красивом кожаном футляре. В Алма-Ате такой можно было отхватить только по случаю, да и то с основательной переплатой. А тут – свободно.

Ну, так вот: Вахтанг Мемедович, уезжая, аванса мне не оставил. Видимо, хотел вручить лично. Еда на побережье в это время года стоит гораздо дороже, чем у нас в Алма-Ате, – надо было думать о приработке. С утра я на объекте, к обеду иду в гостиницу. Обедаем – и на море уже вместе. Вспоминаю о сувенирах, которые я привезла в 1986 году из Кобулету для моих друзей и родственников: расписанные мною морские камни размером с детскую ладошку, но при этом очень плоские, такие природные оладушки, а на них – щедрый восход или закат, пальмы, море, горы, чайки, дельфины, парусники и так далее. Словом, яркие банальные сюжеты. В технике поливинилацетатной темперы, покрытой сверху лаком для пушей привлекательности.

Эврика! Здесь есть художественный салон. Наваяю, как говорится, и сдам в художественный салон подешевле. Сказано – сделано. В салоне меня встретили приветливо, оценили моё творчество в три рубля за штуку. Но посылают прежде в Батуми на художественную комиссию в их главный офис зафиксировать это дело. Я им предлагаю забрать все оптом по восемьдесят копеек за штуку. Они бы с радостью, но боятся потерять рабочее место. Кроме того, пытаются вести

диалог, так сказать, поближе познакомиться. Узнав, что я живу в гостинице ОСВОДа, директор восклицает:

– Бедняжка! Как же вы там живете!?

– А что?

– Да там же все эти ... эти... бандиты!

Сказать по справедливости, наши спасатели-«бандиты», в отличие от прочего мужского населения кавказского региона, чётко выполняют свои прямые обязанности и не пристают к отдыхающим женщинам. Эти бронзовые Рэмбо великолепно плавают, ныряют с аквалангами, управляют с лодками и катерами и беспрекословно подчиняются своему командиру старику Кокури.

А сам Кокури словно сошел со страниц великого Хемингуэя. Умница и при этом мужественный человек (из рассказов Софики).

Кстати: я видела, как «бандиты» несли на плечах лодку в эллинг – на ремонт. Кокури кинулся им помогать, а роста не хватает, чтобы дотянуться плечом до борта лодки, но он не вышел из строя. Сей дедуган положил свою ладонь туда, куда мог достать и так шел через весь пляж, сохраняя свое мужское достоинство.

Но сейчас вот о чем: надо ехать в Батуми. Ну, что ж, съезжу. Каких-то девятнадцать километров в один конец. Сдам камни на комиссию – и назад. Завтра после обеда и поеду. Прихожу с объекта пораньше. Ехать же. Встречает мама. На лице улыбка, на столе фрукты, чурчхела и прочее. Оказывается, мама уже собиралась давать папе телеграмму, чтобы выслал денег, но решила попытаться счастья с камнями, коль скоро авторский гонорар мне был положен по три рубля за штуку.

Мама взяла десять камней и пошла на побережье подальше от нашего пляжа туда, где нас не знают (стыдно же по советским меркам этим заниматься). Назад она принесла десять рублей.

После обеда я поехала не в Батуми, а в наш бывший пансионат «Горизонт», расположенный на другом конце города, километров за восемь-десять. Зашла к директору. Представилась. Сказала, что дважды отдыхала в их «Горизонте». Похвалила. Высказала суть моей просьбы. Он не только разрешил продать сувениры, но и посоветовал сделать это в холле перед столовой, когда народ пойдет на ужин. Для меня был поставлен большой стол со скатертью и плетеное кресло. Раскладываю товар и думаю: «Хоть бы никто из знакомых алма-атинцев не встретился!» Это сейчас ярмарки, выставки-продажи, где художник – главное действующее лицо, а тогда ты реализовался только в художественном салоне, если ты заслуженный или народный, ну, или хотя бы член Союза художников. В ином случае работаешь на заказ, предварительно оформив трудовое соглашение, которое не всегда выполнялось со стороны заказчика: платили не вовремя или полцены, или еще какую-нибудь пакость устраивали.

Цены на мои каменные сувениры я установила от одного рубля до рубля с половиной. Те, на изнанке которых была надпись «Кобулет-88» и парочка стилизованных летящих чаек, раскупили в первую очередь. Во мне всё ликовало. Вот они, лёгкие деньги! И совсем не так уж стыдно было заниматься продажей своих сувениров.

Теперь хочу сделать маленькое отступление от главной темы: как-то случайно встречаюсь в магазине с нашей ОСВОДовкой Натэллой. Учительница, старая дева. Пошли мы с нею вместе домой. Идем, разговариваем. Визг тормозов. Из роскошной машины высовывается прямо-таки до пояса молодой спортивного типа красавец:

– Девочки, а вы на море идёте, да?

Натэлла окидывает вопрошающего презрительно-равнодушным взглядом:

– Цадэ, цадэ, швилло!

Парень резко газанул.

– Что ты ему сказала?

– Проезжай, проезжай, сынок!

Я бы вскоре забыла о такой мелочи, но Натэлла не дала этого сделать. Она рассказывала о «швилло» на кухне, причём каждой женщине отдельно, потом-таки на пляже, далее на площадке перед входом в гостиницу, у парапета, где любили посидеть наши ОСВОДовские...

«Цадэ, швилло» мне врезалось в память, и на следующий день я применила это словосочетание на рынке при очередном ко мне приставания. После чего этот толстый дядя по-молодецки выскочил из-за прилавка и с радостным смехом бежал за мною метров тридцать, дёргая себя за серебристые виски, пытаюсь доказать, что он не швилло. Сначала это было смешно, а потом не очень. Потому после Кавказа, приехав домой, первое время кайфуешь от низких цен на базаре и неприставания окружающих мужчин. Но такой уж я человек: во всём нахожу юмор.

Остановка «Главпочтамт» – моя. Выхожу из автобуса с неуёмным ликованием в душе. Готова плясать от столь лёгкого разрешения финансовой проблемы. Ограничилась песней. «Жил-был художник один...» – мурлычу себе под нос. Уже темновато. Вокруг ни души – народ на развлекательных программах или ещё где-нибудь.

Я так увлеклась песней о грузинском художнике Пиросманишвили, что не сразу услышала шаги рядом с собой и настойчивый призыв:

– Дэвушка, дэвушка, а ви кагда приехали? Как вас зовут?

И тут, под настроение, многогранность моего таланта развернулась во всю ширь: не сбиваясь с мелодии «Миллион алых роз», я гаркнула, на ходу повернувшись лицом к соискателю знакомства:

– Цадэ, о цадэ, швилло,

К такой-то бабушке ты, – (я так и пропела к «такой-то», не конкретизируя),

Но он актрису любил,

Ту, что любила цветы.

Пою громко и уже глядя прямо перед собой, не ускоряя и не замедля своих шагов.

– Дэвушка! Дэвушка.., – и с досадой, – какой-то сумасшедший дэвушка!

Как выяснилось много позже, я употребила в данном случае форму макаронической поэзии – это когда в лексику родного языка включаются иностранные слова, что усиливает комический эффект в шуточных или сатирических стихах. Потом такие стихи у меня пошли как по маслу, всякий раз вызывая восторг публики. И ничего удивительного: в разные времена это отлично получалось у Авзония (римский поэт, IV век до н.э.); Тифи (итальянский поэт, XVI век); Мятлева (русский поэт XIX век); Д.Бедного и В.Маяковского (XX век). Двадцать первый век уже разменял свой второй десяток, время несется со скоростью космической ракеты, а я ещё прекрасно помню нашу керосиновую лампу до 1956 года и то, как мы с соседями выбегали за ворота посмотреть на проезжающий легковой автомобиль. Что уж говорить о стихах четвертого века до нашей эры...

А чем же закончилась история с сувенирными камнями «Кобулет-88»? Их остатки были раскуплены после ужина. Один господин из солнечной Калмыкии уронил и разбил свой пейзаж. Принёс две половинки и потребовал замены на целый. Я ему и две штуки дала бы бесплатно, но сейчас не те обстоятельства: не могу обесценивать свой товар на глазах у покупателей. Взяла с него полтинник, как с пострадавшего, и дала право выбора. На сей раз он выбрал булыжник потолще и покрупнее. А коллекция подчистую ушла за семьдесят девять рублей.

ЖЕНЩИНА-ПОПЛАВОК

На море шторм в четыре балла – и это красиво. Купаться нельзя. На шесте красный флаг запрета. Солнце. На небе ни облачка. Морские брызги достигают нашего окна. Мама решает полежать в комнате с книгой, а мы с Васючком – на пляж.

Вижу, как один из «бандытов» подныривает под встречную волну – и вот он уже за линией прибоя на плавных волнах. Вспоминаю новеллу Радия Погодина «Дубравка» – там эта методика хорошо описывается. Спасибо. Наблюдаю за спасателем: он благополучно возвращается на пляж по Погодину. Точка в точку. Думаю, что и у меня это же самое не хуже получится.

Плавать я научилась в пять лет, в нашей Антоновке. Вы скажете: «Как так? В Антоновке в то время не было ащибулакского водоема, головной арык мелковат и где же?» Я отвечу: «В яме. В нашей прекрасной яме по улице Пушкина (угол Красных Партизан)». Эти ямы копались, чтобы добыть глину для изготовления самана (в послевоенные пятидесятые годы прошлого столетия началось бурное строительство частных домов). Далее, по ходу дела, из арыка в яму напускалась вода. Такое раздолье – свеженалитая вода, пока утки не успели нагадить! В таких ямах купались и подростки, и даже молодежь.

В то время я полагала, что «плавать» – это шагать руками по дну, а ногами бултыхать. Я «поплыла» вслед за моим братом Валерой (он старше меня на два года). Вдруг дно ушло из-под моих рук. Я попала в углубление, называемое копанок (кто-то постфактум добывал себе глину, вероятно, для земляных полов – их регулярно подновляли). Валера подоспел молниеносно, выпихнул меня из этой глубины, – я даже толком испугаться не успела. Тут-то он и объяснил мне, что плавать – это значит двигаться в отрыве от земли, быть на поверхности воды. Вот это да! Невероятно! Об этом я не знала. А как этому научиться? Руками «гребсти», а не идти по дну. Он так и сказал «гребсти». Сказал – и не стал больше тратить на меня ни минуты: спешил занять очередь для прыжков в воду. Было специально сделанное место, с достаточной глубиной, над которым наиболее ловкие ребята демонстрировали «сало». Видимо, кто-то трактовал это как нераслышанное слово сальто, а другие подхватили. Не все мальчишки делали это самое «сало», а из девчонок могла только одна – Ира Елеференко, это когда ей было лет шесть. Ну, так вот: не теряя времени, я стала гребсти руками и (о, чудо!) минут через пять или десять я уже плыла.

Вижу, идет мама со своей подругой. Я кричу, чтобы она посмотрела, как я плыву по-настоящему. Но мамина подруга сказала, что это по-собачьи, а не по-настоящему. Я опять удивилась. Валерка потом показал на взрослых пацанах, как

плавают по-настоящему. Главное – показать. Или рассказать. Сказать. С детства и по сегодняшней день я познаю то, что мне интересно. Главное – нужно понять, как сделать, почему, зачем. В пять лет мама научила меня произносить букву «р». Кстати, я и «л» не могла выговаривать.

Шва, шва, пивожок нашва.

Сева, поева и опять пошва.

В три-четыре года я цитировала это произведение. Мама обещала, что, как только мне исполнится пять лет, она научит меня говорить букву «р». В свой день рождения я пристала к маме с этой буквой. Мама усадила меня за стол (в 1948 году она закончила в Ташкенте ускоренные логопедические курсы), показала, что делать языком и как произносить эту букву. Через три-пять минут я сорвалась с места и со счастливым рычанием стала бегать по дому.

А мамочка многих в нашем селе научила произносить правильно звуки. Из двоечников-второгодников она делала отличников и хорошистов, коль скоро они попали в ее класс. В теперешние времена такие педагоги большая редкость.

Ах, я изрядно удалилась от берега Чёрного моря! На море шторм. Я строго предупреждаю Васю, чтобы он не смел идти за мной. Сама иду. Иду до тех пор, пока возможно. Чувствую: дальше не устоять. Дожидаюсь самой низкой волны. Ныряю. Выныриваю за прибоем. Меня отнесло изрядно от берега. Не сказать, что я сильна и крепка здоровьем. Но по своим силам я переносу достаточные нагрузки. Главное – меня не гнать и не торопить. Волны плещут. На спине не особенно улежишь. Сейчас я хорошенько отдохну – и назад, к Васе. Смотрю на берег, а там, откуда ни возьмись, мама бежит и машет, чтобы я быстрее возвращалась. Вася бежит наперерез волнам. Я грожу ему кулаком. Мама отчаянно машет. Что делать? У нее давление... Нельзя волновать.

Не отдохнув, бросаюсь под первую попавшуюся прибойную волну. И понесло меня на бешеной скорости. Думаю, что должно меня скоро выбросить. Не выбрасывает. Несет по дну. Дыхания не хватает. Бульжнички, как массажёры, шлепаются об мои бока. Вода смягчает, а иначе я была бы вся в синяках. Наконец-то море выплевывает меня прямо на пляж. В двух-трех метрах от загорающего народа. Вдыхаю благословенный воздух и, наконец-то, соображаю, что лиф моего купальника оказался на уровне талии: море безжалостно растянуло тонкие бретельки до невероятности. Какой-то мужик на берегу говорит «спасибо». Видимо, за этот полустриптиз. А мне уже все равно. Главное, что дыхания все-таки хватило.

Как разворачивались события на берегу в моё отсутствие, рассказала мама. Кокури увидел меня за прибоем и велит аквалангисту идти мне на помощь. Тот быстренько пристегивает ласты. Другие «бандыты» смотрят и говорят, что не надо мешать. Женщина на воде, как поплавок, держится. Пловец снимает ласты и акваланг. В это время я показываю кулак Васе, чтобы он не лез в море. Кокури истолковывает сей жест, как угрозу с моей стороны за то, что они не оказывают помощи. Спасатель молниеносно облачается в свои причиндалы, а я в этот миг ныряю под волну. Весь пляж напряженно ждет. Ну а я, как уже говорила, являюсь на сушу полурусалкой, полудохлой рыбой. Мама подбегает со словами:

– Ты такая бледная, Лида. Зачем ты это затеяла? Людей побеспокоила. Спасатель из-за тебя два раза... и так далее.

Тут и Васючок подбежал с упреками, что я не взяла его с собою. Потом подошла семья Рехвиашвили. Все три поколения. Нодари (среднее звено) стал говорить, что в шторм море мутнеет, а за прибором около меня плавала не очень-то чистая пена... Чистюля нашелся! Не плавал ты в нашей яме с глинистым дном, когда там купаются одновременно человек пятнадцать-двадцать! Что руководило этим Нодари, когда он высказывал свое мнение? Маленькая зависть мужчины? Легкая грусть? Может, не такая уж легкая. Ранее я спрашивала у его жены-ОСВОДовки почему за десять лет их брака она, пловчиха, не научила своего мужа плавать. Сам не хочет. Да, действительно, Нодари по пляжу ходит в брюках, не касается воды. В детстве перенес полиомиелит. Одна нога изрядно тоньше второй. Вот и причина. Комплексует. На следующий день я провела с Нодари разъяснительную работу. Сказала ему, что его и меня полиомиелит поразил одновременно в 1952 году во время повальной эпидемии – мне было шесть лет, ему – три. В одиннадцать лет меня прооперировали по этому поводу. И ноги у меня немного разные. От этого я страдала морально с 15 до 17 лет. Не более того. Повзрослела.

Плавать я научила Нодари в этот же день. Вернее, научила держаться на воде. Также быстро, как сама научилась когда-то в детстве.

Он был счастлив, как ребенок. А его мама даже прослезилась, когда благодарила за меня мою маму: ведь самое главное не в том, что научился плавать, а в том, что он перестал стесняться своей ноги и купается и загорает вместе со своими детьми и женой.

Мало того, Нодари решил порыбачить вместе с Васей на вечерней зорьке. И в этот день случилось нечто сногшибательное. На закид попалась огромная рыба – синий сазан. Кто что говорил по этому поводу. Одни говорили, что эта рыба из озера Палеостоми, которое в шестидесяти километрах от нас. Озеро соединяется с морем, вот она и попала сюда. Иные называли ее морским горбылем. Я истратила на нее последний кадр моей дефицитной слайд-пленки. Нодари, разгоряченный, рассказывал всем подряд, как он думал, что рыба попалась на его закид. А это просто его леска перекрестилась с Васиной. Старик Кокури подозвал меня и стал усиленно консультировать, как приготовить такую рыбу с петрушкой и укропом в собственном бульоне, чтобы было вкусно. Я же поступила по-своему. Рыбу приготовила в кляре. Было вкусно, конечно. Такая рыба! Хватило почти на всех, проживающих в гостинице. Ставридок и бычков – таким же макарон, тоже в тесте, чтобы рыбы побольше было.

Что касается сазана: Кокури и спасатели, а их в команде семь-восемь, разнесли эту весть по всему Кобулету, и ко мне на пляже в течение всей последующей недели всё подходили и подходили люди с вопросом: правда ли, что мой сын поймал «гарбу». Кстати, никто не приставал. Вопрос – и вежливый отход. Один только пожилой джентльмен позволил себе комплимент, гласящий, что у такой мамы, которая при шторме в четыре балла уплывает за прибой, вполне может быть сын, поймавший такого редкого и такого большого «гарбу».

